

Эрве Базен

СМЕРТЬ ЛОШАДКИ

Книга вторая

С Е М Ь Я Р Е З О

ДУЭЛЬ МАТЕРИ И СЫНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Fiction

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б17

Hervé Bazin
La Mort du petit cheval

Перевод с французского Надежды Жарковой

Иллюстрация на обложке Елены Капич

- Базен, Эрве.
Б17 Смерть лошадки: роман / Эрве Базен; [пер. с франц. Н. Жарковой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 304 с. — (Все счастливые семьи).

ISBN 978-5-389-31256-2

Юному Жану Резо исполнилось восемнадцать. Впереди яркая жизнь, полная надежд, любви и счастливых открытий. Или жалкое существование под гнетом его матери, бессердечной Психиморы?

Они не виделись несколько лет, но все это время она контролировала каждый его шаг. И теперь Психимора ставит ультиматум: поступление на юридический факультет или полное лишение денежной поддержки.

Но уступить матери — значит предать мечту о Школе журналистики. И что еще хуже — проиграть ей в их бесконечном сражении, что Жан Резо никак не может допустить.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-31256-2

- © Éditions Grasset & Fasquelle, 1950
© Жаркова Н. М., наследники, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

I

Нахлобучив берет на самый лоб, я вошел в кабинет. Фелисьен Ладур, родной брат торговца кроличьими шкурками, ставшего чуть ли не магнатом кожевенной промышленности, рассматривал в лупу образчик распятого Христа. Поднеся муляж вплотную к своему единственному глазу, он вглядывался в него с такой страстью, словно молился. Весь стол завален был точно такими же муляжами. Но поскольку деревянных крестов еще не успели сделать, вся эта группа Иисусов, ждущих поклонения, имела почему-то не слишком мученический, а скорее уж спортивный вид. Я ждал, что они вот-вот начнут дружно выполнять различные приемы шведской гимнастики. Но Фелисьен Ладур, начисто лишенный воображения, вполне довольствовался ролью многоопытного и солидного директора «Сантимы», процветающей фирмы по изготовлению предметов религиозного культа, с которой мсье Резо, мой отец, и барон де Сель д'Озель, мой дядя, были связаны самыми благочестивыми интересами. В данный момент кривой, голосом куда более глубоким, чем его пустая глазная орбита, прикрытая

моноклем из черной тафты, изрекал свои суждения насчет коммерческой ценности Иисусов.

— Испоганили! — ворчал он. — Взяли и испоганили! Да разве у этого бедняги страдальческий вид! А ноги... нет, вы только посмотрите на ноги! Разве такие ноги у распятых бывают? Это же балерина, а не Иисус Христос!

По другую сторону стола стоял начальник муляжного цеха; к его трагически поджатой нижней губе прилип окурок сигареты. Ладур спрятал лупу в карман, снова взял Иисуса, отодвинул подальше, приблизил к самому лицу, повернул влево, повернул вправо — сначала выпуклой, потом поллой стороной, головой вниз, головой вверх, — нахмурил левую бровь, затем нахмурил правую, нерешительно присвистнул, и вдруг его осенило:

— Нет и нет. Так дело не пойдет. Вот что! Давайте-ка пустим в серийное производство наш прежний номер пятьдесят три, только улучшенный. Хотите искупить вину — потрудитесь создать богоматерь нового образца. Сделайте мне такую богородицу, чтоб ее из рук рвали и в Лурде, и в Нотр-Дам-дю-Шен, и в Ла-Салет, и в Ченстохове... Словом, так сказать, промежуточный тип! Понятно?

Тут только Ладур заметил меня.

— Да это, оказывается, вы, Хватай-Глотай! — воскликнул он и махнул рукой начальнику цеха, уходи, мол. — Подойдите сюда. Почему вы стоите на самом сквозняке? Бойтесь скомпрометировать себя? Моя фирма гордится тем...

Он вдруг запнулся, поскреб пятерней кадык, скривил губы, как бы желая проглотить слово, уже

давно изгнанное из его лексикона, и уточнил, бросив в мою сторону пронзительный взгляд циклопа:

— С давних времен ваше семейство гордится тем... Короче, оно вложило в наше дело кое-какой капитал и получает недурные дивиденды. Так что входите свободно и снимите ваш берет.

Честное слово, Ладур, Фелисьен Ладур, брат сыромятника, вовсе не думал насмеяться. Он смеялся самым простодушным образом. Нет, право же, от месяца к месяцу — я заметил это еще во время редких появлений Ладура в коллеже — он становился все более дородным, все менее осторожным. Взять хотя бы то, как он мне сказал: «А, это вы!» — словно обращался к кому-нибудь из своих служащих, которого только накануне отпустил небрежным «до свидания». Называл он меня просто: «Хватай-Глотай», хотя подобная фамильярность разрешалась лишь членам нашего семейства и была запрещена всем посторонним, особенно же посторонним низкого происхождения. Неужели за последние три года мир так изменился, что какой-то Ладур смеет обращаться со мной запанибрата? Никому ни в «Хвалебном», ни у иезуитов не удалось меня обучить смирению, каковое мой отец считал вежливостью мелкоты... или же гордынею святых. Само собой разумеется, Ровуа — наш классный наставник — предостерегал нас против новых веяний века и провидел, что от сыновей не слишком богатых родителей потребуются принятие мужественных решений. Но изрекал он все эти истины ровным голосом, совсем таким же, каким читал нам вечерами по пятницам слащавые нравоучительные книжки. Между двумя

зевками он сообщал нам об опасностях мира сего с такой же малой убежденностью, с какой вдалбливал в наши головы вечные истины Священного писания, и, откровенно говоря, с тем же успехом. Получалось, что опасности мира сего и адские муки — это одно и то же: скучная литература, сомнительная действительность. Но во всяком случае, декорум был соблюден. «Сударь, — кричал Ровуа, обращаясь к болтунам или курильщику, потихоньку выпускавшему дым в рукав, — сударь, вы заработаете двойку по поведению... а ежели будете продолжать вести себя как идиот, то схватите и единицу». Суровы иезуиты, но умеют соблюдать вежливость! Поэтому я легче бы снес сухой учтивый тон, чем беспардонную развязность. Я открыл было рот, намереваясь преподнести две-три дерзости торгашу, в сущности славному малому, которого мсье Резо, вернее, его супруга весьма легкомысленно выбрали мне в опекуны, но тут же, повинувшись какому-то сложному чувству, подавил свою досаду. Ведь наглость — это, так сказать, мерило уважения. Неужели же наша семья пришла в упадок? Как ни неприятно было бы лично для меня это обстоятельство, для моих родителей оно еще неприятнее. Я испытывал досаду, но, как ни странно, и внутреннее удовлетворение и, не зная, что сказать, только улыбнулся в ответ, но внезапно моя улыбка превратилась в гримасу. Сквозь стеклянную перегородку, отделявшую кабинет Ладура от конторы, я заметил мою кузину Эдит, надо признаться ничуть не изменившуюся, — с обычным своим видом «гаммоиграющей» барышни она в данную минуту терзала клавиатуру «ундервуда».

Ладур перехватил мой взгляд и даже не удивился моему удивлению.

— Да, — буркнул он, — я взял ее себе в секретарши. Только проку от нее мало. Но Торюры находятся сейчас в таком критическом положении, что пришлось уступить настойчивым просьбам барона де Сель д'Озель.

Еле заметное придыхание, так, пустячок, пресекло на секунду его голос, как бы в знак уважения к этому крупному состоянию, еще противоборствующему критическим обстоятельствам.

— Впрочем, я пользуюсь услугами и еще одного вашего родича, — продолжал Ладур, — Леона Резо, которого мне также рекомендовал ваш дядюшка. Приятнейший человек ваш дядюшка, но, между нами будь сказано, чересчур благоволит к родственникам. Не будь я постоянно начеку, он заполнил бы всю «Сантиму» членами вашего семейства, лишившимися ренты и не имеющими определенной профессии. Я не о Леоне говорю, на него как раз грех жаловаться: он у нас лучший коммивояжер, и я подумываю поручить ему управление нашим миланским филиалом. У него, у этого мальчика, прирожденный талант к коммерции, открывшийся совершенно неожиданно — он ведь чуть было не поступил в духовную семинарию... Впрочем, он, так сказать, остался при том же товаре и с таким рвением торгует своим благочестивым набором, что сумел привлечь клиентуру... Но кажется, Хватай-Глотай, мои слова вас шокируют?

Фелисьен Ладур ничуть меня не шокировал: он меня раздражал. Не люблю тех, кто лишен чувства

благодарности, не люблю эту манеру высмеивать людей и вещи, которые тебя же кормят, особенно если субъект, повинный в подобных грехах, не может сослаться в свое оправдание на то, что снисходительная ирония является наследственной чертой его характера. Ирония терпима лишь в малых дозах, как перец. Но куда больше ошеломил меня тот переворот, о котором никто не заикался и который в рекордно короткий срок в корне изменил дух нашего семейства, заставив откинуть свои вековые предрассудки и обратив его представителей в новую житейскую политику. Ведь сам барон де Сель д'Озель в одно из своих посещений «Хвалебного» заявил моему отцу:

— Положение нашей сестры трагично, не спору. Но, по мне, уж лучше пусть погибает с голоду, чем идет в гувернантки. Лучше вообще не помогать родственникам, чем помогать им опроститься.

И что ж! Этот кремень, этот несговорчивый барон сажает родную племянницу за пишущую машинку, сует в руки родного племянника чемоданчик коммивояжера! Святые отцы, не устававшие твердить нам, что их дело — грехи пресечь, а при случае и нас посечь, святые отцы не раз, повторяю, рассказывали нам о кризисе, но с такой сладостной, с такой христианнейшей улыбкой, столь незначительным казался он в их устах, что я и вообразить себе не мог, какие он принесет катастрофы. До наших барабанных перепонок, оглушенных наставлениями, полагающимися при «благочестивом воспитании», уже не доходил громкий треск рушившихся бюджетов и шарканье целого легиона девиц из буржуазных се-

мей, шествующих в конторы по найму (или, по меньшей мере, приобщаемых к различным семейным делам). Пока я пытался примирить в душе глухую досаду и странное ощущение какого-то сообщничества, даже реванша, Ладур веско проговорил:

— Я, понятно, шучу, но ваш кузен был совершенно прав, как, впрочем, прав и ваш батюшка... Да-с, ваше семейство не без скрежета зубовного решилось подчиниться духу времени. Как сейчас помню слова мсье Резо: «Кто же из нас после знаменитого Законодательства о наследстве рискнет занять должность в суде?» И представьте, рискнул, да еще с какой радостью ухватился за пост товарища прокурора третьего разряда. Судя по его последнему письму, он весьма огорчен, что по скромности дал себя упечь в Гваделупу, а не добился назначения в Анже или в Сегре — другими словами, где-нибудь поближе к «Хвалебному», как он поначалу рассчитывал. Конечно, сейчас он получает повышенный колониальный оклад... Известно мне также, что у вашей матушки были свои личные мотивы... Вы, кажется, что-то сказали?

Я ровно ничего не сказал. Совсем напротив: я слегка сжал зубы.

— Но сейчас, надо полагать, все утряслось. Вы уже не дети. Кстати, а у нее и на самом деле такой крутой нрав, как говорят? Тут мне ваши родственники столько наговорили, что просто не верится.

— Любопытно, — пробормотал я, — что же они могли вам рассказать? Когда в кругу родственников появлялась моя матушка, никто не смел и слова пикнуть.

Вдруг Ладур вытянул шею и удостоил меня пристальным взглядом своего единственного глаза, более способного угадывать недомолвки покупателей, нежели порывы замкнутого сердца.

Взгляд его лишь царапнул меня, но не проник глубже. Тут огромная голова медленно ввинтилась в шею, плохо выбритые щеки подпрыгнули и прикрыли полоску полотняного воротничка 43-го размера. Веко опустилось, и хозяин «Сантимы», даже не догадываясь, чем вызван мой ответ, заговорил самым непринужденным тоном:

— Так я и думал. Люди вечно преувеличивают. Характер вашей матушки вполне объясняется перенесенными ею операциями. Большую пожалеть надо...

Жалеть? Я-то знал, что та, кого советовали мне пожалеть, не потерпела бы этого глагола. Впрочем, именно по этой причине я поспешил согласиться с Ладуром, убежденно кивнув головой.

— Ну и слава богу, — подхватил Ладур, которому мсье Резо, несомненно, поручил прощупать почву. — Надеюсь, что Рохля — ваш старший брат — придерживается того же мнения. А младший... Марк, кажется, или Марсель... словом, тот, кого вы зовете Кропеттом...

— Марсель, — поспешил уточнить я, желая подчеркнуть, насколько противно мне слышать из уст Ладура мое собственное прозвище. — Марсель мне не пишет, Фред тоже, так что не знаю, что они думают и чувствуют с того самого времени, когда по неизвестным причинам...

Пауза, которая должна поставить под сомнение эпитет «неизвестный».

СМЕРТЬ ЛОШАДКИ

— ...когда по неизвестным причинам нас взяли из коллежа Сент-Круа и рассовали по разным коллегам. Фред — в Нанте. Его опекает тетя Бартоломи. Марсель учится в Комбре, но, говорят, на последние каникулы его в награду за успехи вызвали в Гваделупу, и он поступил в лицей в Бас-Тере. Впрочем, я им обоим не завидую.

«Ибо заботы обо мне были поручены вам, — говорило мое молчание. — Под тем, мол, предлогом, что никого другого в Анже не могут подобрать на роль моего опекуна, а на самом деле — чтобы побольнее уязвить меня, потому что вы мне чужой человек и, что еще хуже, малоблистательный Ладур. А ведь если хорошенько разобраться, этот выбор не так уж для меня невыгоден. Хоть ты... (снисходительная гримаска) хоть ты чересчур Ладур, но ты славный дядька и не особенно приставал ко мне со своими советами».

— Ху-мф! — выдохнул наш компаньон, выразив этим присущим лишь одному ему звуком своеобразное грубоватое удовлетворение. — Я сделал все, что мог... То есть нет... Я намеревался брать вас к себе регулярно, но мне даны были соответствующие распоряжения... Так или иначе, такое положение не может длиться вечно. Ваш батюшка плохо переносит климат колонии. Он в отчаянии: дом брошен на попечение старухи Фины, теперь почти полной калеки, научные изыскания прерваны, сыновья бог знает где и достигли возраста, когда пора выбирать себе поприще и устраивать жизнь...

— ...коллекция мух гибнет, — вставил я жалобным тоном, прозвучавшим вполне естественно.

Карьера... Устроить свою жизнь... Теперь все понятно... Не может же в самом деле наша матушка и впредь предоставлять нас ненадежному контролю и капризам нашего вдохновения, которое, как известно, диктуется чувствами.

Уж давно бы ей пора вернуться из своего изгнания, покинуть «свою Эльбу».

— Когда она возвращается? — спросил я уже другим тоном, пожалуй, чересчур бодрым, чересчур наигранным, — так больной осведомляется у хирурга, на какой день назначена операция.

— Не раньше чем через несколько месяцев. Ваш батюшка должен добиться перевода. В Анже просятся слишком много кандидатов.

Ладур повторил свое «хумф». Ничего, кроме распоряжений, продиктованных в последней телеграмме, он сообщить мне не мог. А что будет со мной до их приезда? Ладур растерянно потирал свои отвислые щеки. Наконец решился.

— Простите меня, — медленно пророкотал он, — я еще не успел поздравить вас с успешным окончанием коллежа. Правда и то, что вы не ввели меня в курс дела. Но мне звонил ваш директор. Он считает, что, раз вы уже бакалавр, вам нет смысла сидеть в коллеже во время каникул... Но никаких распоряжений я на ваш счет не получал и, как видите, нахожусь в недоумении. Учитывая все эти обстоятельства, я под свою ответственность решил отправить вас на побережье, в Морбиан. У нас возле Дамгана есть вилла. Жена и дети проводят там все лето. В октябре... Думаю, что вам придется поступить на юридический факультет Католического университе-

та. Таково желание вашего батюшки. Мне ваши вкусы неизвестны, но я предпочитаю, чтобы вы сами уладили этот вопрос с родителями, если это почему-либо еще не сделано.

На мой взгляд, ничего еще не было сделано. Мсье Резо посылал мне все те же неизменные десять строк раз в месяц: «Я вполне удовлетворен твоими отметками, но по-прежнему огорчен плохим поведением. Мое здоровье не улучшилось. Позавчера я нашел интереснейший экземпляр *Egerepa americana*. Фердинан и Марсель чувствуют себя хорошо. Целуем тебя». (Ни разу это «целуем» не было скреплено материнской подписью, так что я успел основательно позабыть изящество ее клинописи). А тремя месяцами раньше мсье Резо, любезно намекая на уже принятое решение, удостоил меня следующим постскриптумом: «Фред не попал в Морское училище и будет учиться в Гидротехническом. Марсель, сдав экзамены на бакалавра, будет готовиться в Политехнический институт в Сент-Женевьеве. Если ты успешно закончишь второе полугодие, то мы (вот на сей раз “мы” действительно было собирательным) снимем тебе комнату в интернате юридического факультета Католического университета, где, как известно, я состою почетным профессором».

— Хотите повидаться с кузиной? Осмотреть фабрику?

Упершись ладонями в край стола, Ладур приподнял со стула свои сто килограммов. Тут только я заметил, что у него под пиджаком серенький жилет. Вязаный жилет, восемь крошечных пуговиц, и все

застегнуты. Умилительный жилет, чуточку глуповатый, как и все, что подчеркивает в туалете мужа неусыпные заботы жены... Жилет, превращавший это директорское чрево в чрево отца семейства.

II

Я из тех, кто близок только с самим собой.

Как вам известно, матери у меня не было, была только Психимора. Но умолчим об этом ужасном прозвище, от которого мы уже отвыкли, и лучше скажем так: у меня не было настоящей семьи, и ненависть для меня стала тем, чем для других любовь. Ненависть? Так ли это? Скажем лучше: я знаю мальчугана, знаю подростка, который, как никто, умел играть в черную меланхолию в те годы, когда детям положено читать «Розовую библиотеку». Дети не выбирают тех игр, которые им навязывают; только играют они с большим или меньшим увлечением.

В восемнадцать лет я по-прежнему близок только с самим собой: иной близости и не может знать бунтарь. В течение семи лет мои родные были для меня лишь сотрапезниками, разделенными на два враждующих клана. Во время нашей разлуки, за годы учения в коллеже, я, понятно, имел немало случаев завоевать чью-либо симпатию, но отнюдь не дружбу. Учителя, надзиратели, одноклассники — все они уходят, сменяются, исчезают, когда этого никак не ждешь. Иногда успеваешь их узнать, иногда успеваешь их возненавидеть и редко успе-

ваешь к ним привязаться. Кроме того, в религиозных учебных заведениях на дружбу обычно смотрят косо, как на нечто двусмысленное. Только раз, уже в классе риторики, я сдружился с неким Кириллом, сыном русского колониста, проживавшего на Мадагаскаре. Мы с ним да еще пять-шесть учеников делили вместе незавидную участь торчать летние каникулы в интернате. Его скорбь, пленительно-русая, тронула меня. Но по окончании каникул меня вернули в старшие классы, а его в средние. Через служителя он прислал мне четыре записочки, но пятую перехватил надзиратель, следивший за дисциплиной, и, заподозрив мерзости, упрятал Кирилла в карцер, долго его допрашивал, стараясь установить, какие именно знаки внимания я ему оказывал. Эта история бросила на меня тень и стоила мне сомнительной привилегии спать рядом с альковым надзирателя. Кроме того, юные одиночки стали меня сторониться.

Я не особенно от этого страдал: так уж устроено мое сердце, оно мало подходит для функции сообщающихся сосудов. Я даже не протестовал. Конечно, никогда я не был лилией, снежно-белой лилией, которая прямо, как стрела, выходит из луковицы, подобно тем, что держит в руках святой Иосиф из крашеного гипса, номер 196-й каталога «Сантимы». Но я ненавижу пай-мальчиков, для меня они как фальшивая монета, и немалая ирония была в том, что за мной укрепилась подобная репутация среди целого полчища извращенных молокососов, каждое воскресенье исповедовавшихся в своем грехе. Конечно, у меня были прегрешения, но хоть неподдельные.

В тех редких случаях, когда мне удавалось выбраться за ограду коллежа с несколькими монетами в кармане, я несся на улицу Шартр, где разгуливали дорогие бретонки. В то же время у меня был свой «головной роман»: я хочу сказать, серия нескончаемых, хорошо построенных, хорошо сложенных, логично развивавшихся грез, вроде тех фильмов, в конце которых чудом воскресает пулеустойчивый герой. Именно по этой причине я мог в течение длительного времени пренебрегать чтением, которое является плодом чужого воображения. Какой роман мог соперничать с моим, с тем, который я рассказывал сам себе, своим языком, и где я был одновременно автором и главным действующим лицом? Поначалу это была настоящая эпопея в жанре «Приключений парижского мальчишки» (и прямо соответствовала моим географическим познаниям). Впоследствии издательство моих грез несколько видоизменило сюжет. Я сотворил из собственных ребер не одну, а целую серию не особенно опрятных Ев. Все они назывались родовым именем Магдалины, отнюдь не по причине профессиональной репутации этой святой, а в память о подлинной Мадлен, юной скотнице, которую я в возрасте пятнадцати лет удостоил несколькими небезынтересными встречами в лесах «Хвалебного». Скажу к своей чести: ни разу Магдалины не довели меня до того, что социологи поэтически именуют «рукоблудием в честь суккубы». Впрочем, Магдалины, опять-таки во мне самом, находили свою противоположность — Жанну, то есть существо неприкосновенное, высокочтимую женскую ипостась меня самого.

Жанна, Магдалина... извечные темы, не слишком-то оригинальные, которые не смешиваются между собой, как рыбий жир и святая вода.

Во всем я был, таким образом, манихеем. Белое и черное. Я против себя самого. Фикция, разумеется, и комедия! Забавы одинокого мальчишки, который упустил случай стать интересным в глазах своих «врагов» и который старается стать интересным в своих собственных глазах. Но в равной мере и природная склонность разделять надвое все двойственное, видеть в любой паре не общность, а поединок, превращать жизнь в рукопашную, и при необходимости — правая рука против левой, сам против себя самого. Лицемерие противоположностей, неустойчивое равновесие на манер весов — где нетрудно обвесить, ворон и голубка, цинизм и чистота — все это на одном насесте, злобно, клюв к клюву. В самом себе я обнаруживаю наиболее веский аргумент против той философии, кстати, еретической, которая изображает человека якобы добрым от природы.

Говоря так, я не хвастаю, я просто знаю. На меня нашел стих исповедаться, хотя я давным-давно забыл дорогу, что ведет к окошечку исповедалини в самом темном углу храма, которое открывает подагрический духовник. Не такой уж я любитель откровенностей, но бывает, что мне нравится вывернуть себя наизнанку, и в этом я иду в ногу со своим веком. Я ничуть не презираю сложности. Я вовсе не прост. Я всегда считал, что простота (и наш век придерживается того же мнения) — ближайшая родня нищете духа... Блаженны нищие духом — фу, гадость

какая! Никто еще не давал обета стать нищим духом. Единственно непереносимое из четырех бедствий, которые делают человека нищим духом, нищим деньгами, нищим телом или нищим сердцем.

Нищий сердцем... вот она, подлинная, самая страшная нищета. Страшная потому, что самая упорная: с помощью воли можно развить дух, разбогатеть, холить свое тело. Но воля бессильна против нищеты чувств, особенно когда эта нищета наследственная.

* * *

Я думаю о трех наследниках. Думаю о моем брате Фреде, по кличке Рохля, думаю об этой жалкой свиновой натуре, которую расплавили и вылили в изложницу апатии, где он и застыл раз и навсегда. О Марселе, по кличке Кропелт, медлительном и скрытном, бледнолицем любимчике мамы. Об этом горлопране Хватай-Глотай, который якобы избрал бунт.

Какой бунт? Тот, что пробегает по вашей жизни, как огонь по бикфордову шнуру, и умеет воспламенить лишь безрассудные выходки да жалкие трескучие петарды? Или тот, что губит одновременно и самого взрывника, и то, что он взрывает? Или тот, что обуздывает себя и становится лучшим пособником справедливости? Ведь бунтуют не только против определенных людей, но и против всех, кто на них похож, против идей, которые они исповедуют. Бунт не будет настоящим, пока человек не начнет бунтовать на свой страх и риск и особенно если он не бунтует против себя самого. Но тут уж, как говорится, бунт становится революцией.

III

Стоявшая между «Кер-Флерет» и «7-А-С» — двумя гнусными халупами — вилла Ладуров красноречиво свидетельствовала об известном наличии вкуса у ее владельцев. «Армерия» — гласила эмалированная дощечка. Сотня квадратных метров садика, и ни одного полагающегося в таких случаях куста, зато блекло-розовый кирпичный фасад вполне гармонировал с местной лазурью, с этой лавандовой дымкой в белых разрывах, с приглушенной охрой утеса, круто спускавшегося к бухточке Кервуаяль, с этой смесью серо-ржавых и серо-влажных тонов — словом, с картиной типичного бретонского пляжа в часы отлива. Шесть настезь раскрытых окон вдыхали сухопутный ветерок, который неспешной рысцой набегал из дальних Ланвойских ланд, где, по слухам, нашла себе приют последняя пара волков.

Двадцать четвертого июля 1933 года я, жадно приюхиваясь и весь ощетинясь, предстал перед воротами овчарни, как настоящий волчонок. С полдюжины купальных трусиков сохло на кольях распахнутой калитки. Я разглядел медный колокольчик, позеленевший от времени, но он висел слишком высоко, а шнурка не было. Однако я вскарабкался на чемодан и попытался дотянуться до колокольчика, он издал неопределенное жиденькое звяканье, столь же нерешительное, как и я сам. И сразу же во всех шести окнах показались голые руки, завитушки волос и веселые улыбки.

— Вход свободный! — крикнул чей-то пронзительный голос, голос чайки.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Базен Эрве

СМЕРТЬ ЛОШАДКИ

Ответственный редактор *М. Смылова*
Художественный редактор *А. Демочкина*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Л. Асанова, А. Брусник*
Верстка *Е. Зеленина*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.03.2026.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.

Тираж 2000 экз. Т-АНФ-40496-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

